

—

VIII.

Раздел имущества в семье Гу вызвал в деревне немало толков. Все-таки сыновья у старосты были неглупыми, а внуки и вовсе все как один учились — народ ими гордился и завидовал. В деревне каждый полагал, что так они и будут жить вместе, пока под одной крышей не соберутся четыре поколения.

Хотя накануне и произошло некрасивое столкновение, сам процесс раздела был делом желанным для всех трех ветвей, поэтому прошел на редкость быстро. Конечно, при дележе имущества и пахотных земель не обошлось без трений. Старшая тетья Ли Сянтао заявила, что её сын — самый способный и вот-вот станет сюцаем, а значит, сможет освободить земли от налога, поэтому, мол, всю землю нужно записать на их ветвь, да и серебра им причитается куда больше, чем остальным.

Однако другие тоже были не дураками. Если в твою пасть что-то попадет, разве потом выплюнешь? В итоге под давлением дедушки и бабушки была выведена цифра, которая худобно устроила всех.

Львиная доля, разумеется, отошла старшей ветви, так как старики остались жить с ними. К тому же Гу Чжэнь, как старший внук, еще не был женат. Тем не менее, Лаоэр и третьей ветвям тоже перепало по несколько му земли и по несколько десятков лян серебра.

Третья тетья поначалу была крайне недовольна. Её семья занималась торговлей, и она была чутка к деньгам: за столько лет у стариков должно было накопиться никак не меньше пяти-шести сотен лян, а на раздел вынесли всего сотню с небольшим. Ясно как день, что остальное припрятано, чтобы в будущем тайно подкармливать старшую ветвь. Но с деньгами ведь как: старики сказали «есть» — значит есть, сказали «нет» — значит нет. Не идти же к ним в комнату с обыском? К тому же третья тетья понимала, что Гу Чжэнь из старшей ветви и впрямь может многого добиться в учебе, так что лучше было не портить отношения окончательно.

После раздела хозяйства третий дядя сдал свою землю в аренду односельчанам, и вся его семья спешно вернулась в уездный город. Старшая и вторая ветви остались жить в том же дворе, но теперь у каждой был свой очаг.

В тот же день после полудня Гу Лаоэр соорудил у восточной стены простенькую печь под навесом, и их семья из четырех человек начала готовить отдельно. Се Чаньюэ был рад этому больше всех. Жить в обстановке, когда на каждое твое действие Ли Сянтао вытягивает шею, чтобы посмотреть и пустить яд — это было невыносимо. От избытка чувств Чаньюэ даже щедро пожертвовал двух своих рыб для общего стола.

А вот в старшей ветви к вечеру атмосфера стала тягостной. Пока жили общим домом, Ли Сянтао, пользуясь правами старшей невестки, сваливала всю кухонную работу на Му Ся. Особенно когда Гу Чжэнь возвращался на каникулы, она гоняла невестку как заведенного — то подай, то приготовь. Теперь же, когда ей пришлось самой готовить на всю семью, то порции выходили маленькими, то овощи пересоленными. Се Чаньюэ немало поглумился над этим про себя.

Впрочем, вскоре всем стало не до праздного злорадства — началась осенняя жатва. Именно поэтому академия и назначала каникулы Шоуи на девятый месяц: чтобы дать возможность

ученикам из крестьянских семей помочь родным.

В тот день, едва на горизонте забрезжил первый свет, Гу Сьюань уже был на ногах. Он достал из шкафа серую короткую куртку и черные штаны; видимо, их давно не надевали, так как штанины оказались коротковаты. Но делу это не мешало. Гу Сьюань взял пеньковую веревку, наклонился и туго завязал штанины у щиколоток.

Се Чаньюэ, еще сонный, приоткрыл глаза и, увидев мужа не в привычном длинном халате ученого, а в простой рабочей одежде, изумленно вытаращился:

— Муж...

Гу Сьюань, услышав голос, обернулся:

— Рано проснулся.

Се Чаньюэ хихикнул:

— Муж, ты сегодня такой мужественный и статный! Ты мне так тоже очень нравишься.

Гу Сьюань подошел к кровати и поцеловал его в лоб:

— Сегодня я иду в поле, сиди дома, будь паинькой.

— А... — Се Чаньюэ пулей вскочил. — Я тоже пойду!

Гу Сьюань приобнял его, пытаясь припугнуть:

— В поле полно жуков и букашек.

Се Чаньюэ снова хихикнул:

— Муж, ты забыл? Я тоже землю пахал. На кукурузе были жуки, я их сам ловил и совсем не боюсь. — Он смешно сжал два тонких пальца, будто раздавливая насекомое. — Я столько их перетоптал, они так смачно лопаются... «пш-ш... пах...» — брызги во все стороны!

— ... — Гу Сьюань промолчал.

И это тот самый человек, который чуть что — жалобно ябедничает и лезет обниматься?..

Он прищурился и продолжил:

— Мне нужно идти на заливные поля, а там живут пиявки. Это не просто жуки: они заползают под штанины, облепляют всю голень и начинают сосать кровь...

— Правда?! — Чаньюэ весь содрогнулся.

Ладно, жуки жуками, но пиявки — это, определенно, самые страшные твари на свете.

Заметив его реакцию, Гу Сьюань едва заметно улыбнулся и погладил его по голове:

— Оставайся дома с папой, помогай по хозяйству. А днем, если будет время, принеси нам воды и чего-нибудь перекусить.

— Хорошо, я обязательно приду! — тут же звонко отозвался Се Чаньюэ, будто получил задание

государственной важности.

Гу Сьюань толкнул дверь и увидел отца, умывающегося у порога. Гу Лаоэр поднял голову и, увидев наряд сына, обомлел:

— Ты это... чего?

Гу Сьюань был по-обычному холоден и сдержан:

— Я иду в поле с тобой.

На душе у Гу Лаоэра стало тепло, но он решительно покачал головой:

— Не нужно. У нас всего шесть му земли. Хотя я теперь и один, но это всё равно меньше того, что на нас приходилось до раздела. За несколько дней управлюсь. Ты человек ученый, негоже тебе в грязи копаться.

Гу Сьюань не дрогнул:

— Академия отпустила нас именно для того, чтобы мы помогли семье. — Не дожидаясь реакции отца, он прошел на кухню за горячей водой. Гу Лаоэр лишь улыбнулся, глядя ему вслед.

После завтрака отец и сын, накинув на плечи корзины и вооружившись серпами и веревками, вышли из дома. Поля были совсем рядом с деревней — дойти можно было за пол-чашки чая*. На их севере выращивали пшеницу, и сейчас как раз была пора уборки яровых. Куда ни глянь, всюду колыхались золотистые колосья — зрелище величественное и жаркое, даже в воздухе плыл тонкий аромат зерна.

[*«Время одной чашки чая» (一盞茶的時間, Yī zhǎn chá de shíjiān) — это традиционное китайское образное обозначение промежутка времени, которое обычно приравнивается к 10-15 минутам.]

Однако любая красота теряет смысл перед лицом пота и каторжного труда. Девятый месяц — не седьмой, но под солнцем, когда оно прогревает воздух до двадцати с лишним градусов, от постоянных поклонов земле одежда быстро промокает насквозь. А если на кожу попадает пшеничная труха, всё тело начинает нестерпимо чесаться и болеть.

Проработав какое-то время, Гу Сьюань сорвал мокрое полотенце, висевшее под полями его соломенной шляпы, и вытер залитое потом лицо, покрасневшее от колючих колосьев. Это полотенце было маленькой хитростью: свисая по бокам, оно защищало щеки и шею от острых остей пшеницы, чтобы те не царапали кожу и не попадали в глаза. Но и это помогало лишь отчасти — пшеничная пыль всё равно летела отовсюду.

Хорошо, что в своей прошлой жизни он вырос в горной деревушке и был знаком с крестьянским трудом, иначе пришлось бы совсем худо. И, к счастью, он не пустил с собой Се Чаньюэ — с его нежной кожей тот бы просто остался без лица.

Закончив с очередным участком, Гу Сьюань взглянул на срезанные стебли, потрогал щуплые зерна и снова нахмурился. В современном мире урожайность пшеницы достигала тысячи цзиней с му, здесь же она едва переваливала за две сотни. Пропасть была чудовищной. Это обрекало простых крестьян всю жизнь биться за кусок хлеба, и зачастую — безрезультатно.

Подумав об этом, Гу Сьюань покосился на отца — воплощение судеб миллионов земледельцев. Гу Лаоэр, работавший чуть впереди, будто почувствовал его взгляд. Он отложил снопик, разогнул спину и, обернувшись, улыбнулся:

— А ты молодец! Хоть и ученый, и в поле редко бывал, а работаешь на диво ладно.

— Отцу приходится тяжело, — негромко ответил Гу Сьюань.

Лицо Гу Лаоэра, красное от жара, озарилось улыбкой, но он не нашелся, что на это сказать.

Они проработали еще какое-то время, оставляя за собой ровные ряды снопов. И тут Гу Сьюань услышал знакомый звонкий голос:

— Муж!..

Он тут же подхватил серп и вышел к тенистому дереву на меже, отозвавшись:

— Я здесь!

Гу Сьюань был высоким, и Се Чаньюэ, еще пару раз крикнув, вскоре заметил его. Он радостно припрыгивал, неся в руках корзинку. Однако, не дойдя совсем чуть-чуть, он споткнулся о кочку и полетел прямо на мужа. Гу Сьюань бросил серп и в один шаг оказался рядом, подхватывая его.

Се Чаньюэ ни капли не испугался, наоборот, просиял:

— Муж, какой ты потрясающий!

Гу Сьюань сначала отряхнул руки от пшеничной грухи и только потом взял его за подбородок. Сохраняя на лице строгое выражение, он произнес:

— В поле полно сорняков и вьюнков, не смей так бегать. А если бы упал и ушибся?

Се Чаньюэ, ничуть не боясь его строгости, обхватил его за талию и торжествующе улыбнулся:

— Я знал, что муж меня поймает!

— ... — Гу Сьюань вздохнул.

Вот она — наглость любимчика!

Се Чаньюэ поставил корзинку и принялся хвастаться принесенным:

— Папа велел передать холодный чай, еще я взял несколько осенних груш, яйца и жареные лепешки из тыквы.

Слушая, как тот перечисляет еду словно меню в ресторане, Гу Сьюань усмехнулся:

— Обед вышел побогаче завтрака. Иди позови отца.

Се Чаньюэ хихикнул и, стоя на краю межи, сложил ладони рупором и во весь голос закричал:

— Папа-а-а!

Гу Лаоэр отозвался, отложил серп и подошел к ним. Он присел на камень в сторонке, чтобы

перевести дух и попить воды.

Се Чаньюэ очистил яйцо и поднес его прямо к губам Гу Сьюаня. Тот и впрямь проголодался; когда он ел, то случайно коснулся губами тонких белых пальцев Се Чаньюэ. Ощущение чего-то теплого и мягкого было особенным, и он легонько прикусил их.

— Ой! — Се Чаньюэ отдернул руку, спрятал её за спину и таинственно заулыбался.

Гу Лаоэр уже привык к нежностям сына и невестки.

Закончив трапезу, все трое остались отдыхать в тени дерева. Глаза Се Чаньюэ лукаво забегали, он вдруг что-то вспомнил и сердито уставился на Гу Сьюаня:

— Муж, ты меня обманул! Это совсем не заливное поле. Ты пшеницу косишь, тут нет никаких пиявок!

Гу Сьюань и бровью не повел:

— Есть. Один му заливного поля. Докосим пшеницу — пойдем туда.

В их уезде Уцин, где сходились несколько рек и протекал Великий канал, заливные поля действительно встречались, хоть и редко. Се Чаньюэ его уже не слушал; он обхватил мужа за руку и сладко пропел:

— Муж, я всё понимаю. Я знаю, что тебе просто жалко меня, и ты не хочешь, чтобы я надрывался в поле.

Гу Сьюань ущипнул его за нежную щеку. Взгляд его оставался холодным, но в душе он усмехнулся: только что ведь притворялся рассерженным, мастерски умеет подлизываться. Се Чаньюэ медленно открыл рот, прикусил его большой палец, лежащий на губе, и легонько лизнул его, торжествуя сияя.

«Надо же, как быстро учится».

Доставив еду, Се Чаньюэ не стал сразу возвращаться домой. Он надел маленький короб, который принес Гу Сьюань, и пошел следом за мужем и свекром, подбирая упавшие колосья, чтобы тем не приходилось постоянно оборачиваться.

К полудню, когда солнце встало в зенит, Гу Лаоэр разогнулся и с улыбкой сказал:

— Пойдемте обедать. Вдвоем работа и впрямь спорится. Думал, дней десять на жатву уйдет, а теперь вижу — за пять управимся.

Се Чаньюэ радостно подхватил:

— Муж такой умелый! И в книгах силен, и в поле мастер.

Поймав подшучивающий взгляд свекра, он спохватился и добавил:

— И отец тоже очень умелый!

Гу Лаоэр лишь посмеивался:

— Куда мне до твоего мужа, я и писать-то не умею.

Се Чаньюэ смущенно покраснел. Гу Сьюань, глядя на раздумывавшегося супруга, почувствовал прилив бесконечной нежности. Он взял его за руку и повел по меже. Гу Лаоэр шагал впереди широким шагом, не обращая внимания на то, чем там занята молодая чета за его спиной.

Они свернули на широкую межу, по краям которой росли большие деревья. В прохладной тени уже чувствовался доносящийся из деревни аромат обеда. Путники прибавили шагу, и как раз на повороте к деревенской дороге они нос к носу столкнулись с тремя представителями старшей ветви. Хоть дома они и разделили, их пшеничные поля находились рядом, так что встреча была предсказуемой.

Со стороны старшей ветви в поле вышли дедушка Гу и старший дядя. Ли Сянтао была без серпа, но с коробом — видимо, как и Се Чаньюэ, приносила воду и собирала колосья. Старик Гу, увидев внука, опешил:

— А-Ян? Ты чего это в поле?

Гу Лаоэр расплылся в улыбке:

— Сын почтительный — в академии дали каникулы, вот он и вызвался мне помочь.

Ли Сянтао от этих слов стало не по себе — будто намекали, что её Чжэнь-эр непочтительный. Она скривилась и брякнула:

— Подумаешь! Пока дом не разделили, что-то его в поле видно не было.

Договорив, она увидела, как Се Чаньюэ гневно сверлит её глазами. Это только раззадорило её:

— Хм! А я-то гадала, неужто и впрямь работать пришел? Да он просто славу почтительного сына зарабатывает, а на деле — сменил обстановку, чтобы с супругом миловаться.

— Старшая тетя осведомлена на удивление подробно. Видимо, дела в моей спальне интересуют вас больше собственных, — Гу Сьюань поднял глаза и вскользь взглянул на неё. Тон его был спокойным, но в нем чувствовалась мощь надвигающейся бури. Ли Сянтао невольно попятилась.

Лицо старшего дяди потемнело: когда племянник так говорит о его жене, это всё равно что плевок в лицо мужу. Старик Гу тоже нахмурился и холодно бросил:

— Ян-эр, ты ведь ученый, как у тебя язык поворачивается такие вольности говорить? Бросай ты это поле, лучше об учебе думай. Получишь звание — вот тогда и будет твоему отцу истинная сыновья почтительность.

Гу Сьюань безучастно кивнул:

— О.

Ли Сянтао, решив, что старик на её стороне, тут же торжествующе встряла:

— Вот именно! Бери пример с нашего Чжэнь-эра. Он не занимается показухой, а целыми днями дома за книгами корпит. Уже туншэн, в следующем году станет сюэем — освободит семью от налогов и повинностей. Вот это я понимаю — почтительность!

Лицо Гу Лаоэра помрачнело, он сухо ответил:

— Ребенок вырос, сам знает, что делать. Не стоит старшей невестке об этом беспокоиться.

Гу Сьюань снова посмотрел на Ли Сянтао и тихо спросил:

— Так старший брат сейчас дома за книгами сидит?

Ли Сянтао гордо закивала:

— Конечно! Мой Чжэнь-эр не только умен, но и трудолюбив. Не то что некоторые... Хм!

Гу Сьюань кивнул:

— О-о...

Тон его был непривычно тягучим, совсем не похожим на его обычную холодную манеру — скорее в нем слышались лукавые нотки, как у Се Чаньюэ, когда тот замышляет шалость.

В этот момент на тропинке за их спинами послышался шум. Леса в округе деревни Хуанъян были густыми и мрачными, обычные люди туда соваться опасались, так что все с любопытством обернулись посмотреть на смельчака. Слышался треск ветвей, и на дорогу выпрыгнуло несколько молодых людей в одинаковой одежде, а следом за ними вышли еще трое или четверо. Это были Шэнь Чанхуань, Гу Чжэнь и их свита.

Гу Сьюань мельком взглянул на Шэнь Чанхуаня. Значит, именно с этого времени тот начал помогать Сяо Цзинчуаню и четвертому принцу обучать тайную армию... Неудивительно, что он вдруг решил заглянуть в деревню. И выбрал ведь лес прямо под боком, ни капли не заботясь о жителях односельчан! Шэнь Чанхуань и Гу Чжэнь оба тесно связаны с Хуанъян; если дело вскроется, всю деревню могут стереть с лица земли как пособников мятежников, а это карается смертью всего рода.

Ли Сянтао, увидев сына, изменилась в лице и поспешно бросилась к нему:

— Чжэнь-эр! Ты зачем в горы пошел? Там же опасно!

Гу Чжэнь не ожидал встретить родню и коротко отмахнулся:

— Чанхуань давно не был в деревне, захотел осмотреться. С нами стража, ничего не случится.

— Вот... вот оно как... — пролепетала Ли Сянтао. Вид у неё был пришибленный: после недавней ссоры она уже не так благоговела перед Шэнь Чанхуанем. Но главное — её слова о «трудолюбивом сыне», сказанные Гу Сьюаню минуту назад, были только что с треском опровергнуты самим же сыном...

— Ха-ха... ха-ха... Как смешно-то!

Звонкий смех эхом разнесся над притихшей дорогой, распугав птиц на деревьях. Се Чаньюэ никогда не умел сдерживаться; глядя на лицо тетки, будто та проглотила муху, он расхохотался в голос:

— Так вот оно — трудолюбие! Вот она — почтительность! Да уж, моему мужу до такого далеко, ха-ха-ха!..

Даже у толстокожей Ли Сянтао лицо залило краской стыда. Обычно степенный и тихий Гу Лаоэр тоже не сдержал смешка. Бросив взгляд на отца и старшего брата, он развернулся и

зашагал к деревне. Гу Сьюань с холодным и безучастным видом, словно всё происходящее его не касалось, взял Се Чаньюэ за руку и неспешно последовал за отцом.

Гу Чжэнь, глядя на расстроенные лица родных и удаляющиеся спины Гу Яна и его семьи, догадался, что его внезапное появление стало причиной конфуза. С тех пор как Гу Ян женился, подобные неловкие ситуации стали случаться с ним постоянно... Это ужасно раздражало.

Что было дальше, Гу Сьюань не знал, но на следующий день Гу Чжэнь вместе с Шэнь Чанхуанем покинули деревню. Старшая ветвь в итоге наняла за медяки несколько малоземельных семей, чтобы те помогли им докосить пшеницу.

К жатве Гу Сьюань приноровился быстро и к концу работал даже шустрее отца. Гу Лаоэр открыл сына для себя с новой стороны. Как они и предполагали в первый день, за четыре дня пшеница с пяти му была скошена и перевезена домой. Еще день ушел на уборку риса с заливного поля. Ровно пять дней.

Теперь оставалось просушить зерно и обмолотить его. Через день каникулы заканчивались, и Гу Сьюаню нужно было возвращаться в академию. В последний свободный день он решил облегчить финал осенних работ. Почувствовав на собственной шкуре, каков этот труд, он захотел сделать его хоть немного легче для близких.

Он вышел во двор к отцу, сушившему пшеницу:

— Отец, у тебя есть знакомый кузнец?

— Есть один, по фамилии Чжу, в деревне Мэйцунь, — ответил Гу Лаоэр.

Отец был мастером на все руки: плел из лозы, плотничал. А поскольку мебель часто требовала железных деталей, с кузнецом он водил дружбу.

Гу Сьюань протянул ему лист бумаги:

— Отец, не мог бы ты зайти к нему и попросить дядю Чжу выковать вот это?

Гу Лаоэр изучил чертеж:

— Эти крючки сделать несложно, но зачем их так много? Шестьдесят штук... А эта круглая штука похожа на втулку для колеса, только большая и с зубьями...

— Это для молотилки, — спокойно пояснил Гу Сьюань.

Гу Лаоэр вытаращился:

— Молотилка? Судя по названию, зерно обмолачивать? И что, она удобнее молотильной доски?

Гу Сьюань улыбнулся:

— Сил сэкономит раз в десять, не меньше.

Отец тут же вскочил, спрятал чертеж за пазуху и просиял:

— Ладно! Жди, я мигом к Чжу, пусть кует.

Кузнец, видимо, впервые делал такие детали, да и железа потребовалось немало (пришлось регистрировать расход в уездной управе), так что Гу Лаоэр вернулся с корзиной крючьев и двумя осями лишь на третий вечер после отъезда сына в академию. Впрочем, Гу Сьюань времени зря не терял — он засел за чертежи еще дома.

Они сразу принялись за дело. Гу Сьюань руководил процессом, а отец выполнял плотницкие работы. Сын задумал создать ножную педальную молотилку. Принцип был схож с велосипедным: через педаль и малую ось приводился в движение большой вращающийся барабан. Барабан представлял собой цилиндр из деревянных планок, густо утыканный железными крючками. При быстром вращении стоило поднести к нему сноп, как крючки мгновенно «вычесывали» зерна из колосьев. Главное здесь было понять принцип и изготовить оси, плотницкая часть была вторична.

Провозившись до полуночи, они закончили сборку. Гу Сьюань тут же решил испытать аппарат. Несколько нажатий на педаль — и барабан бешено закрутился. Крючки прошлись по снопу, и буквально в мгновение ока охапка пшеницы была обмолочена. Зерна разлетелись в стороны, попав в лица наблюдавших Му Ся и Гу Лаоэра, но те не почувствовали боли — только безграничный восторг.

— Боги мои, да это же мгновение!

— Слово сон... Не увидишь — не поверишь...

Раньше они обмолачивали зерно на досках: брали охапку и с силой били ею по доске раз пятнадцать, пока всё не вылетит. К середине дня руки отваливались от боли — этот труд был в сто крат тяжелее жатвы. Если бы не увидели сами, никогда бы не поверили, что в мире есть такой легкий способ.

Гу Лаоэр поспешно подскочил и, отодвинув сына в сторону, сам сел за молотилку. Он начал пробовать её, подавая одну охапку пшеницы за другой, и с каждой секундой сиял всё больше. С такой скоростью осенняя жатва, на которую они обычно тратили последние силы, могла быть закончена всего за полдня.

Се Чаньюэ, глядя на мужа сияющими глазами, полными обожания, спросил:

— Муж, а что мы будем делать с этой молотилкой? Продадим, чтобы заработать серебра, или?..

Гу Сьюань покачал головой и спокойно ответил:

— Народ бедствует, а сейчас как раз разгар жатвы. Лучше доложить об этом местному «отцу-матери» — уездному магистрату, чтобы как можно больше людей смогли получить от этого пользу.

Глаза Се Чаньюэ заблестели еще ярче, и он глубоко кивнул:

— Мой муж, глубоко сочувствуя тяжелому труду своего отца, приложил все силы, чтобы изобрести этот аппарат ради блага всех земледельцев Поднебесной. Это истинный пример сыновней почтительности и образец для всех ученых мужей.

Гу Сьюань: ....

Хотя слава действительно была одной из его целей, его маленький супруг, несомненно, был тем самым человеком, который понимал его лучше всех — настоящий мастер «радужной

лести».

После того как Гу Сьюань разъяснил отцу ключевые моменты, Гу Лоэру понадобилась целая ночь, чтобы перебороть страх простого человека перед чиновниками. На следующее утро он отправился к старику Гу. Старик, будучи не только их старшим в роду, но и старостой деревни Хуанъян, должен был возглавить процесс подачи прошения в управу.

Для уездного магистрата появление такого полезного инструмента, равно как и наличие столь добродетельного ученого на его территории, было отличным достижением, достойным упоминания в отчетах.

Поэтому, когда в один из дней Гу Сьюань вернулся из академии, у ворот большого кирпичного двора семьи Гу уже собралась толпа. Увидев его, жители наперебой закричали:

— Вернулся! А-Ян вернулся!

— Просто невероятно, суметь придумать такую полезную штуку!

— Повезло же Гу Лаоэру с таким сыном!

Гу Сьюань отвесил общий поклон и, не оглядываясь, прошел в дом. Во дворе он увидел незнакомого солидного мужчину средних лет — литератора, который беседовал со старым Гу и его отцом. Рядом пили чай несколько стражников, а возле них стоял предмет, накрытый ярко-красной тканью — судя по форме, это была памятная табличка. Кроме того, присутствовали несколько седовласых старцев — старейшины рода Гу.

Гу Лаоэр поднял взгляд и, увидев сына, тут же представил его гостю:

— Господин советник Лу, это мой единственный сын, Гу Ян.

Советник Лу немедленно встал с улыбкой:

— И впрямь, выдающийся юноша!

Гу Сьюань, сохраняя привычное спокойствие, сложил руки в приветственном жесте, держась достойно и непринужденно. Советник Лу кивнул, проникшись к нему еще большим уважением: в таком юном возрасте не гнаться за выгодой — большое достижение. Он принялся хвалить Гу Сьюаня за «благородство великих мужей» и за то, что сам префект пожаловал им звание «Семьи, хранящей верность и сыновнюю почтительность».

Гу Сьюань про себя отметил: «Надо же, табличку прислал не магистрат Уцина, а сам префект Тунчжоу. Оперативно». Будучи человеком практичным, он в ответ вежливо поблагодарил магистрата за «мудрое руководство».

Затем под грохот петард табличка «Преданность и сыновняя почтительность» была торжественно водружена в храме предков семьи Гу. Поскольку род Гу был самым многочисленным в деревне, эта слава принадлежала не только одной семье, но и всему клану. Гу Сьюань не возражал, особенно после того, как узнал, что магистрат лично наградил его сотней лян серебра, а молотилку переименовали в «Машину почтительного сына».

Старый Гу, однако, пребывал в смешанных чувствах: молотилка была создана уже после раздела имущества, и на душе у него было беспокойно. Ли Сянтао же при виде племянника скорчила странную мину. Ей явно хотелось сказать что-то язвительное, но, видимо, дома ей

провели внушение, поэтому она лишь гневно фыркнула и ушла. Вероятно, снова решила ждать триумфа своего сына.

Весть о «Машине почтительного сына» разлетелась мгновенно, охватив весь уезд Уцин и префектуру Тунчжоу. В этом мире для ученого репутация значила всё, а верность и почтительность стояли во главе угла. При составлении рейтингов на экзаменах чиновники часто учитывали славу соискателя. Гу Сыюань твердо решил взять «Сяосаньюань» (первые места на трех начальных уровнях экзаменов), так что хорошая репутация была ему просто необходима.

На следующий день после возвращения в академию Аньпин наставник Чэнь, проверив его трактат, сам завел разговор об этом случае и долго хвалил ученика. Даже глава академии, почтенный Ци цзюйжэнь, удостоил его аудиенции и призвал усердно учиться. Сокурсники после этого стали относиться к нему с небывалым рвением.

В обед Ван Сюй, как обычно сидя напротив него, вздохнул:

— Я вообще не понимаю, откуда ты берешь время. За десять дней каникул ты написал десять отличных трактатов, переписал девять томов «Канона документов», пахал в поле и еще умудрился изобрести эту потрясающую штуку.

Гу Сыюань взглянул на него и коротко бросил:

— Ошибаешься.

Ван Сюй заинтригованно поднял бровь:

— Что, трактаты были написаны заранее?

Гу Сыюань покачал головой:

— Молотилка была создана не на каникулах, а всего несколько дней назад.

— ... — Ван Сюй замолчал. Какая пугающая точность. Но совершенно излишняя.

Затем Ван Сюй таинственно прошептал:

— Но если подумать, зачем ты доложил об этом магистрату? Пока это пройдет через министерства и префектуры, всем достанутся сливки, а тебе — жалкая сотня лян и кусок доски. Сказал бы лучше мне — я бы донес до самых верхов и выбил бы для тебя награду покрупнее.

— ... — Гу Сыюань мысленно ответил: «Ты ученый, следи за языком».

Впрочем, его мысли во многом совпадали с доводами друга. Он откашлялся и произнес:

— Это мелочь, не стоило тебя беспокоить. Но скоро мне действительно может понадобиться твоя помощь.

Ван Сюй азартно усмехнулся:

— О, тогда я в деле!

Время в учебе пролетело незаметно. От глубокой осени до заснеженных холодов — лишь миг.

Наступили новогодние каникулы.

Это был их первый Новый год вчетвером. Гу Лаоэр и Му Ся, будучи людьми в возрасте, рано ушли отдыхать, оставив Гу Сьюаня и Се Чаньюэ встречать полночь. К полуночи Се Чаньюэ уже едва разлеплял веки, но стойко держался. Как только прозвучал удар колотушки, он подпрыгнул и, обняв мужа, громко воскликнул:

— Муж, пусть у нас всегда-всегда всё будет так хорошо! Ты должен всегда-всегда меня так любить!

Гу Сьюань не удержался от комментария:

— Совсем некультурно выражаешься.

Се Чаньюэ закатил глаза и в шутку попытался его укусить:

— Между прочим, в столице я считался весьма одаренным...

Гу Сьюань крепко прижал его к себе. Се Чаньюэ всегда мерз и зимой ходил укутанным, как колобок, так что двигаться ему было неудобно. Он барахтался в объятиях мужа, словно маленький белый медвежонок, но так и не смог вырваться. Гу Сьюань, усмехнувшись, подхватил его на плечо и понес в комнату.

— Я правда разозлюсь, слышишь, Гу Ян! — кричал тот с его плеча.

— Да? Я так напуган, — бесстрастно отозвался Гу Сьюань.

— Твой тон мне не нравится! Гу Ян, неужели твоя любовь прошла, раз я «подурнел лицом»?

— Так ты, оказывается, подурнел... — тихо прозвучал в воздухе его низкий голос.

— Всё, я обиделся, ты меня не допросишься... м-м...

Однако возмущенные возгласы быстро сменились прерывистым дыханием и тихими стонами. В конце концов Гу Сьюань испытал легкое сожаление: из-за обычая встречать полночь они упустили время. А ведь иначе он мог бы заниматься любовью с прошлого года до нынешнего.

Миновал канун Нового года, пролетел праздник Фонарей. Над землей еще висели холодные туманы и ветра, а в садах академии вовсю цвела слива мэйхуа. Началась регистрация на уездный экзамен.

Вскоре, утром восемнадцатого числа второго месяца, Гу Сьюань встал в длинную очередь кандидатов перед зданием уездной школы. Начался его первый в этой жизни путь к вершинам государственной службы.

—

<http://bllate.org/book/14483/1281588>